

Ор 84
С 87

Николай Струздюмов

Оренбургский
платок

Оренбургские
казаки

Николай Струздюмов

Op 84
C-87

Op 84

8H(2Poc=Pyc)6-4

a-296368

**Оренбургский
платок**

**Оренбургские
казаки**

том 1

✓
Оренбург

ООО «Печатный дом «Димур»
2007

ДЕЛО В РУКАХ,
или ОРЕНБУРГСКИЙ
ПУХОВЫЙ ПЛАТОК
(Сцены из жизни оренбургской
пуховязальной окраины)

ДЕЛО В РУКАХ НАДЕЖНЕЙ БОГАТСТВА

По необозримым просторам нашего отечества разбросано превеликое множество старых городов, окруженных деревянными окраинами, где жизнь городская тесно роднится с жизнью деревенской. На тех окраинах нет больших зданий или почти нет, там больше все избы. И в одной из них раздумчиво тикают ходики, потрескивают дрова в печи, а по верхнему закраешку этой печи шевелятся полотняные занавесочки, обеспокоенные упругой сухой волной, поднимающейся от плиты к потолку. На улице сильно крутит метель, говоря по-здешнему, — буран, а в той избе тепло, чисто и уютно, покой и тишина. И если бы не помурлыкивающий из угла динамик да не электролампочка на сто ватт под потолком, да не одежный шкаф из типовой ширпотребовской серии, недавно занявший место сундука, то показалось бы, что время остановилось здесь, замешкалось и совсем не торопится идти дальше. Да и вам невольно захотелось бы остановиться и приглядеться ко всему. Хоть к тому вон сундуку, что доживает свой век за печкой и на котором написано: «1901 годъ. Станицы Нововоздвиженской». И к иконке, изображающей Богоматерь с младенцем, которая никак не похожа на некогда неприступных, устрашающих богов, выглядывает из-за кружевных занавесочек кротко, смиренно и занимает в избе скромное место, как хозяйка избы. Сундук этот — конечно же, «папашино придано», а иконка — «мамашино благословение».

Тут царит нечто неколебимое и мудрое. И голос хозяйки звучит глубоко, словно голоса стародавних мудрецов.

— Вот и я говорю: настоящее, хорошее дело в руках верней самого большого богатства. Ведь богатство — что? Есть оно — и нет его, было, да уплыло. А дело завсегда при тебе, выручит и в люди выведет.

Тетя Лиза сидит как раз под лампочкой на табурете, твердо уперев ноги в подставку — крохотную, игрушечного вида скамеечку. Она вяжет. Спицы в ее руках скачут весело, ровно и сноровисто, будто ладные лошадки, хорошо натренированные в рабочем беге. Сидит чрезвычайно прямо, слегка развернув плечи и подавши вперед грудь.

Напротив нее, на диване — семнадцатилетние Оля

и Света. Они застыли в неудобных позах, очень сутулятся, напряженно нагнувшись над вязанием. Спицы у них ползут медленно, вроде ощупью и с частыми остановками. Они учатся.

Тетя Лиза — на самом деле давно уже не тетя, а бабушка — ей под семьдесят. Но все поголовно зовут ее тетей Лизой. Это еще довольно крепенькая старушка, очень легкая на подъем и на удивление трудоспособная. Она из тех, которые работать начали чуть ли не сразу же после того, как научились ходить. А в первый же год замужней жизни вели все хозяйство и успевали всюду. Рожали они чуть ли не посреди морковных грядок и капустных лунок. (Может, поэтому здесь не говорят, что младенцев приносит аист, а говорят, что их находят в капусте.) Такие, когда входили в полную бабью силу, только понаслышке знали об абортах, которые считали тяжким грехом, чуть ли не пожиранием младенцев. Поэтому природа в них развивалась как хотела и куда ей сподручней развиваться. Они не знали учрежденческого сидения, квартирной и автобусной сутолоки на малых пятачках, а работали и дышали на приволье да на просторе.

Тетя Лиза и сейчас еще неплохо выглядит: голубенькие глаза, хоть и повыцветшие, не потеряли былой живости, и цвет лица вполне здоровый. Главное ее достоинство — спокойный нрав, характер ровный, без срывов. Этот характер формировался под влиянием широко известных простейших истин: живи не хуже и не лучше других, вперед не суйся, но и позади не оставайся, чему быть, того не миновать. Истины эти хотя не вдохновляют на исключительные поступки, но зато являются хорошими подручными у времени — в забвении всяческих горестей и залечивании душевных ран. Положительный отпечаток на ее характер наложило и одно занятие, которое всегда было — только для души, только на часы уединенья, сопровождало всю жизнь и в конце концов стало главным. Это занятие — вязание пуховых платков.

Теперешнее спокойное, вполне удовлетворенное состояние тети Лизы обусловлено еще и тем, что все у нее в доме в полном порядке, все к зиме она сделала заблаговременно: помазала, побелила, где надо заделала, залатала и покрасила. С запасом времени закупила дрова и уголь, завезла, распилила, уложила. Заранее подправила сарай, завалинку,

крыльцо и прочее. Не все, конечно, делала своими руками, приходилось нанимать, платить и переплачивать, бутылки ставить, угощать. Но главное — все заходя, в погожие дни, до дождей и холодов. И вот теперь она в тепле, чистоте сидит, вяжет и рассказывает о своей жизни и о платках — какую роль они в ее жизни сыграли.

Света и Оля — ее квартирантки. Света — востроглазая девушка с очень подвижным, смешливым лицом, копной коротко стриженных волос, отливающих при электрическом свете то ли рыжим, то ли золотистым. Оля — темноволосая, строгого вида девушка. В сравнении со Светой она будет поспокойнее, постепеннее — из тех, что сначала посмотрят, а потом уж голову повернут.

Живут здесь Света и Оля совсем недавно, платят в месяц по десятке. Но приняла их тетя Лиза больше не из-за этих двух десятков: хлопот с девушками куда как много, особенно при тети-Лизином характере — то прибрать за них приходится, а то и подкормить, когда прозевали, не приготовили себе либо с припасами нехозяйственно обошлись. Да еще разных мелких тревог в избытке — куда ушли, где задержались, с кем бродят. А приняла она их скорее из-за того, что «стены заедают»: постоянно быть в избе одной тоскливо, вечерами даже жутковато, особенно длинными зимними вечерами. Еще потому взяла, что уж очень напросились. Точнее, матери уговорили, когда устраивали Свету и Олю в город. Именно к тете Лизе, потому что все в округе присоветовали.

Работать девушки пока начали в ателье индивидуального пошива и собираются поступать либо в техникум, либо в училище — куда удастся. Когда матери привели их на житье к тете Лизе, то очень упрашивали, чтобы та за ними присматривала, не давала много разгуливаться и приучала бы к делу. А поскольку большое дело у нее одно — вязание платков, то к нему она и стала приучать. Это уж само собой получилось. Вот и сидят сейчас Света и Оля на диване — колени к коленкам — и старательно вывязывают петли.

Примерно в шаге от дивана находится дверь, ведущая в маленькую комнату-боковушку. Это место обитания еще одного квартиранта, который то появляется и живет здесь, то куда-то надолго уходит.

За окнами между тем начинает закручивать все сильнее, порой даже посвистывает, в трубе подвывает. Здесь же, в избе, все прибывает тепло. Потом становится совсем жарко, потому что топила сама тетя Лиза. Девушки раскраснелись, разомлели, поснимали с себя все, что только можно снять, и теперь сидят в одних летних халатаках.

— Да, стоящее дело в руках — верней всякого богатства, — слышится голос из давней давности. — У меня племянницы так же жили. Тоже из села. Работали и в институт готовились, на курсы ходили. Их я тоже, бывало, как время выпадет, все подталкивала: садитесь да учитесь вязать, пока я жива. С таким делом в руках, мол, никогда не пропадете, на самый черный день пригодится.

Она отводит в сторону правую руку, за которой тянется, разматываясь, серебристая нить, усаживается поудобнее и опять углубляется в вязание. Перед нею стоит еще один табурет. На нем раскинут черный плат, а при ближайшем рассмотрении — кусок старого черного материала, то ли штапеля, то ли сатина. На черном серебристо-белая «паутинка» смотрится лучше, узоры и петли видятся четче, потому он перед тетей Лизой и раскинут.

— Со мной как раз так и вышло, когда сюда, в город, перебралась. Сначала-то сын Павлуша приехал — доучиваться. Он здесь один мытарился, а я в селе одна. А чего, думаю? Коровенку продала, дом — и сюда. На квартиру устроилась, дальше что? Деньжонки-то есть, да надолго ли? Они ведь как вода текут, деньги-то.

А с работой я немного растерялась. Куда, думаю, без специальности? В сторожихи — страшновато, город незнакомый. В посудомойки или на стройку — здоровье уже не то. Тут-то и настал для меня черный день. Тут-то меня платки и выручили.

У нас ведь к ним сызмальства приучали. Сызстари веков велось в наших местах это рукоделье. Ажурными пуще всего славились Верхне-Озерная, Донская, Желтое, Дубиновка. А гирияльски, вязовски, никитински и ишшо сюда в сторону — те больше по теплым пуховым шалям.

Говорит она на «о» и с усеченными окончаниями. Но «окает» совсем не так, как, скажем, «володимирцы» или «вологодцы», а значительно покруче — что называется, «наворачиват». У этого говора своя история.

Предполагается, что пришел он на Яик когда-то давно с Волги вместе с людьми, бежавшими за волей из Московского государства. И в противоположность говорам Центральной России, которые потом смягчались и пошли на «а», этот, ушедший далеко за Волгу, наоборот, еще больше ударился на «о». Укоренился этот говор на Яике прочно и вот дожил до наших дней. И сейчас еще довольно крепко держится во многих поселках, бывших редутах, хуторах, даже на некоторых городских окраинах.

— Ну, настоящи мастерицы всяки платки вяжут. Я-то, к примеру, и теплы серы с молода хорошо умела, и ажурны — паутинки. Помню, ишшо вот такой была, от горшка два вершка, а мамака меня все приучала. Потом, когда уже на посиделки стали ходить, нас без платков и не пускали. Бывало, идешь туда, тебя проверят, сколько связано. Оттуда приходишь — опять проверят, на сколько сумела продвинуцца. Только на Святки не заставляли вязать. Нам, девочкам, за то Святки больше всего и нравились.

Она словоохотлива до чрезвычайности и может говорить часами, даже сутками, лишь бы чьи-нибудь уши были. Под эти рассказы вы можете спокойно что-то делать, можете вздремнуть, перекинуться свежей новостью и пересмеяться — а она все будет говорить, пока ее не перебьют. Девушки и не перебивают, слушают со вниманием. Поскольку живут здесь совсем недавно, такой полный, а не урывками вечер с вязанием, как сегодня, выдался чуть ли не в первый раз, и все эти тети-Лизины рассказы им в новинку.

— Ну, вот. И обратилась я, значит, к платкам. В колхозе-то приходилось вязать как придется да когда придется — в те поры не до того было. А тут на одни платки села. Они ведь, сколько вот помню, во все времена в цене были и спрос на них большой. Когда же послевоенны голодные годы прошли, опять подниматься стали. Накупила я пуху на базаре — и за дело. На первых порах в городе больше теплы пуховы шали шли. А я их немало перевязала. Тетенька Фросинья, покойница, меня учила их вязать. Вот уж мастерица была, царство ей небесно! Хорошо я запомнила ее науку, узор да выделку. Вон ту пуховку, что в шифоньере, уж сколько лет ношу, а все останавливают да завидуют. Третьего дни в троллейбусе одна, такая интеллигентна из себя, смотрела, смотрела да и

говорит: «Платок-то какой у вас богатый. Совсем новый, что ли?» — «Какой, — говорю, — новый — четвертый год ношу, только по-настоящему разносила». А он так распушился, прямо шапкой стал. На той неделе в церкви одна старушка становится рядом и так потихоньку: «Пуховку-то где покупала?» «Нигде, — говорю, — сама вязала». — «Сколько же стоит, к примеру, по базарной цене?» Я ей: «Тебе здесь — базар, что ли? Люди богу молятся, а она...»

Тетя Лиза недовольно морщит лоб, пересчитывает петли и постепенно за этим занятием забывает о меркантильной старушке.

— Вот теплы платки на первых порах меня и выручили. Взаялась за дело крепко, время не жалела, зато уж мы постепенно и в силу вошли. А после народ побогаче стал, пошли в гору ажурны платки — паутинки. Я тогда на них перешла.

Ну, в первое-то время очень трудно было. Хозяйка попала в того... на чужой шее норовила прокатиться. Мы жили за печкой в закутке, а я все их хоромы вымывала да вычищала. Цену с нас брала тоже хорошую, как за комнату. И вторую половину дома с отдельным ходом сдавала квартирантам. Гребла деньги старуха. А уж ленивая была! Наестся, бывало, и лежит целыми днями на кровати да радио слушает...

Тетя Лиза, рассказывая, споро гонит ряд за рядом свою паутинку и время от времени поглядывает за работой девушек — верно ли ведут, точно ли соблюдают число петель и строгость узора. Порой она и подталкивает: «Ты вяжи, вяжи, Света. Слушай и вяжи». Света спохватывается, становится сосредоточеннее, спицы в ее руках словно оживают и выравнивают свой ход.

— Потом я с Анной Донсковцевой встретилась. Опять же через платки. Присматривала она себе на базаре хороший пуховый. Возле моего остановилась. Платок-то, говорит, у вас отменный из всего базара. Стала расспрашивать, как вязала, из какого пуху — из здешнего или привозного. Вижу, человек не так себе, понимает в этом деле. По слову чувствую: вроде из нашенских. Спросила у нее, откуда, мол, родом. А она — господи! — из Донской. Я там девчонкой много раз была. Мамаша моя оттуда. Дальше — больше, стали разбираться, кто да чьи. И вот ведь, не знаешь, где найдешь, где потеряешь: мы с ней, оказывается, еще девчонками играли и даже немного сродственницы.

Господи, Анна, говорю, да это ты! А она, вишь, в городе давно живет.

Ну, упросила ее к себе в гости. Больно, мол, поговорить охота. Кругом чужие люди, душу отвести не с кем. Пришли ко мне, чаю попили. Посмотрела она, как я живу, поспрашивала да и говорит: «Лиза, на что силы тратишь? У тебя руки золотые. Долго ли за этой... будешь подтирать? Тебе на люди надо. И пенсию зарабатывать. А ты все в закутке».

Вскорости отвела она меня в кооперативную промысловую артель пуховых платков¹. Ну, там совсем другое отношение. Вот ведь производство и есть производство: смотрят на человека по делам да по рукам, а не по деньгам и не по квартире. Приветили меня, так хорошо обошлись. Сразу на душе светлей стало. И начала я устраиваться. А эта хитрюга, хозяйка-то, ну меня отговаривать: да зачем ты, да к чему тебе. Я ее не послушала. Скоро мы от нее совсем ушли. Устроились на квартиру к хорошим людям и поближе к артели. Поработала я, пригляделась, тут и фабрика пуховых платков образовалась².

Тетя Лиза откладывает вязание — передышка для глаз и для рук. Придирчиво присматривается к паутинным клочкам, которые успели соорудить Оля и Света. Там вроде все движется как надо, и тетя Лиза, не упустив случая использовать испытанный педагогический прием, слегка воркующим голосом подбадривает: «Ну вот, видишь, теперь намного лучше. Вон как дело-то пошло».

Она немного отдыхает, расслабившись. Осматривает стены, изъязны в побелке, прикидывает, когда надо перебелить. И вдруг останавливает взгляд на одном месте — между краем печки и старомодной никелированной кроватью. На улице буран все набирает силу, окна сверкают при электрическом свете морозными блестками. А там, перед стеной, между печью и кроватью, — тоже буран и морозные блестки. Только они — веселое, сказочное повторение без холода и неуютности, без угрожающего свиста. Там картинная метель, снежная степь вся искрится. У тети Лизы на минуту вдруг

1 Позднее — комбинат пуховых платков — предприятие, которое организовывало работу мастериц всей области. (Здесь и далее примеч. авт.)

2 Предприятие, на котором вяжут пуховые платки на машинах. При нем имелся цех ручной вязки, вырабатывающий платки-образцы.

синее молодостью глаза, потом затуманиваются каким-то воспоминанием или сожалением, и она умиротворенно заключает: «Ну и слава богу».

Вот из-за этой сказки сегодня у нее особенно приподнятое, даже праздничное настроение, которое выражается в форме повышенной и радостной словоохотливости.

— А уж в пухартели-то да на фабрике я всегда на виду была. Вообще все мы, кто ручные платки делал. Машинная вязка, она все же... Я вот думаю: разве машина такую тонкую работу сотворит. Тут душу вкладывать надо. А где она душа, у машины-то? Чего и говорить, нас, мастериц ручного вязания, по-особому привечали. Ну, правда, кто хитрил да норавли обмануть, не жаловали. Таких нигде не жалуют.

Были там у нас две. Платки любили больше за то, что их можно на базаре перепродавать. Вязать же взялись по необходимости — до пенсии дорабатывали. Бывало, если при них принесу свою паутинку, начальник цеха Лидия Петровна возьмет мой платок да им на свет покажет. Потом — на весы: «Вот посмотрите, почему у Беловой платок такой тяжелый да качественный? И по весу, и по размеру, и по узору — по всем, мол, статьям высшей категории. А у тебя что?»

Ну, она возьмет да побыстрее свяжет. И еще пуху урвет для себя. Хоть немножко, да утаит. Там утаивать-то нечего — на одну паутинку меркой сто десять грамм отпускают. Вот и получается у нее платок — тоненькой-хлюпенькой, еле-еле душа в теле. Его видно и так, без весу видно. Зато ей и пуху потом отпустят — грамм в грамм, тютельница в тютельку. А я уж вот если не мухлевала, то и отношение ко мне совсем другое. Иной раз смотрю: приемщица возьмет да сверх меры пуху-то мне отвесит. Хоть немножко лишку даст. Посмотрю я на весы, на нее — дескать, ошиблась. Она махнет рукой и тихонько так: «Да ладно!» Потому что знат человек — за мной ни один грамм не пропадет.

Экономить на пухе — последнее дело, это уж не платок. Ну и выделка, чистота работы, узор — само собой. Отсюда — качество. А на фабрике за него вон как хлопочут. Наши платки-то, говорят, в другие державы идут. Качественный что ж, сам за себя говорит. Вот он — его сразу видно.

И, перехватив обе спицы правой рукой, она делает левой широкий приглашающий жест в ту сторону, где между изго-

ловьем кровати и краем печи растянута на пальцах ажурный платок. И светлеют, молодеют ее глаза. Оля и Света поворачивают головы, следя за взглядом тети Лизы, и надолго засматриваются.

Там все сверкает, искрится... Волны тепла, идущего от духовки, обвеяли его, согнали последние капли воды. И он предстал во всей красе.

Тетя Лиза поднимается, обходит его и от стены пристально, даже привередливо рассматривает белое ажурное поле на свет. И видится оттуда как бы зимний день. Солнечный свет, размягченный тонкими облаками, льется ровно. Сеется реденький мелкий снежок. Но вдруг поплыло марево, как в сорокаградусную июльскую жару. А в нем заколыхались редкие снежинки. Потом сразу все остановилось, замерло. Так все оттуда видится.

Тетя Лиза подходит к нему сбоку, дает вволю разгуляться глазу вдоль поверхности. И открывается нечто снежное, а по нему — пушистые язычки начинающейся поземки — предшественницы трехсуточной метели.

— Тетенька Васса, покойница, учила меня паутинкам, — говорит тетя Лиза вполголоса, с молитвенным благоговением.

Она отступает на два шага и уже откровенно любит своей работой.

Это был пятикруговой.

Пятикруговой потому, что в нем пять кругов — один в самом центре, четыре — по углам «середины». На самом деле это не круги, а строгой формы ромбы. И каждый из них — особый разговор. Но что касается того, который в центре... Это нечто самостоятельное. Он задавал расположение узоров по всему платку, определял его мотив и ритм. Мягко опирался он четырьмя плечами на меньших собратьев. И всех их прочно объединяла «глухотинкой» вывязанная «середина». Ее замкнуто охватывала «решетка» из внятного, «глазастого» узора, «решетку» — «кайма» — из сплетения узоров и фигур. Все обрамлялось красивыми и одновременно строгими «зубчиками».

Часов пять назад он был аккуратно вымыт после вязки. Потом, мокрый, сразу из воды, растянута на пальцах — деревянном четырехугольнике, утыканном нержавеющей, из самоварной меди гвоздиками. И если бы вы видели, с каким напряжением

тетя Лиза нацепляла его края на эти самоварные гвоздики, — уперевшись ногою в пол, локтем смахивая капельки пота со лба, — то испугались бы в ожидании того, как лопнет все сверкающее поле — с угла на угол, по диагонали. Но оно не лопнуло, а все растягивалось и растягивалось под неустрашимой рукой тети Лизы. Однако это — последние и приятные хлопоты. А до того была вязка, раньше — очистка пуха от волоса, выческа его специальными металлическими щетками, перепускание, прядение, ссучивание пуховой нитки с шелковой — работа очень кропотливая, уйму терпения требующая, тонкая и утомительная.

Они переходят в другую половину избы, которая служит кухней, ужинают, пьют чай. Потом снова рассаживаются по своим местам и берутся за вязание.

— Да уж тетенька Васса — вот ажурница была. Сколько она узоров знала — мне половины того не упомянуть. Паутинки-то у нее так и светились, богаты да тонки были — будто бисером шиты. Ну, она, чего и говорить, — из Верхне-Озерной. Замуж к нам ее выдали. А верхнеозернински — ажурницы. Мне рассказывали: еще в старо время одна вывязала паутинку — на тысячу петель, в ней гребень, веретено и царску корону. Царскому наследнику вязала — он в то время здесь проезжал.

А уж в наше время одна тоже большую паутинку сделала, в ней Кремль вывязала. Я в музее видела. И сама рядом сфотографирована. Другая в Индию их главной начальнице связала, имя ее не упомяну... Тоже на тысячу петель. А та ей ковер прислала...

Тетя Лиза некоторое время молчит, погрузившись в воспоминания.

— Да, уж истая мастерица была тетенька Васса. И мне от нее немного хватило — и умения, и уважения.

Я ведь на фабрике-то постоянно числилась на хорошем счету. Фотокарточка, бывало, всегда на Доске почета. На праздники, больше всего на Восьмого марта, подарки получала. Трудовую книжку до сего храню, там написано.

В другое время Оля и Света, может быть, пропустили бы мимо ушей разговор о трудовой книжке. Но сейчас у них перед глазами ажурный платок — наглядное свидетельство умения тети Лизы, и они просят трудовую книжку показать. Тетя Лиза делает это с удовольствием.

Она открывает одежный шкаф, достает чистенькую картонную коробку и вынимает из отдельной стопки, перехваченной резинкой, потрепанный обветшавший документ.

Оля читает вслух: «За высокие показатели в социалистическом соревновании выдан ценный подарок. Приказ номер тридцать. Седьмого марта тысяча девятьсот шестьдесят третьего года».

— Отрез на платье давали, — поясняет тетя Лиза, — еще отрезы. Потом шелковый полушалок, их тогда в магазинах не было. Да много чего, сейчас уж не упомяну. После ухода на пенсию еще сколько-то лет открытки присылали, с Восьмым мартом поздравляли, с другими праздниками.

...Некоторое время вяжут в полной тишине. Она нарушается только изредка долетающими в избу завываниями метели, которая уже окончательно разыгралась за окнами. Да ровным, раздумчивым тиканьем часов.

У открытой духовки, на стуле, на мягкой подстилке дремлет дымчатый кот, следя одним приоткрытым глазом за лежащими на коленях вязальщиц серебристыми клубками. Когда какой-то из них, обеспокоенный разматываемой нитью, начинает шевелиться, кот моментально настораживается, приоткрывает второй глаз и хищно топырит уши. Но клубок остается на месте, и кот, потеряв к нему интерес, продолжает мирно дремать.

— Оно не зря все это дается — и уважение, и почет, и подарки, — вдруг говорит тетя Лиза, видимо откликаясь на свои давние мысли. — Умение умением, да главное-то — по правде надо жить. Моя мамака всегда мне говорила, а я вам скажу: если обманешь человека, тебе за то всегда отплатится. Я и не обманывала никогда, за то меня бог не обидел — живу не хуже людей.

Затем, вспомнив о чем-то далеком, она тихонько-грустно улыбается тому давнему, минувшему и продолжает:

— Только один раз девчонкой, помню... схитрила. Ну, это уж больше комедия, а не обман...

Связала я тогда первую паутинку на сдачу — чтобы, значит, в пухартель сдать. До того себе либо домашним делала. А тут — в пухартель. Довольна такая, вымыла свою паутинку, растянула, а она — батюшки! — одна половина хороша, бела, друга — красна. Не совсем красна, ну, кремовата. Что делать?

Потом избу мы убрали при закате, и я заметила: когда солнышко садится, все красным кажется. Ну, думаю, сдам ее, когда солнышко садится. Егор Васильич и не заметит, что разноцветна. А Егор Васильич, наш сосед, пухартель образовал, ею заведовал.

И вот, значит, на другой день солнышко — на закат, я — к Егор Васильичу со своей паутинкой. Пощупал он ее, посмотрел так-сяк, на свет и говорит: «Ну, Лизушка, молодец, какой хороший платок связала». Да уплатил мне как за качественный, будто без изъяна. Я уж потом сколько из-за этого мучилась, но признаться побоялась.

Только поздней узнала: ничего я его не обманула. Все заметил Егор Васильич, только виду не подал, не хотел радость мне портить. Девчонкой ведь была, первый раз в жизни платок принесла не сдачу. Он за него свои деньги додал, потом мой отец с ним рассчитался. После, когда я уже в невестах была, они вспомнили при мне про тот закат, про мою паутинку и все смеялись.

Тетя Лиза некоторое время молчит, наверное, еще вспоминает что-то из поры своего девичества. И вдруг, перейдя на суровый тон, говорит:

— Теперешним спекулянткам тот платок — они его обрабатывали бы. Такой марафет навели бы — вовек не признаешь. Черт-те что с платками делают. Возьмет да покрасит. Или отбеливающим порошком отделает. Он у нее мертвяк мертвяком — никакой натуральной красоты. А уж над серыми пуховыми как издеваются! Растреплет, раздерет его, сажей намажет. Лишь бы продать выгодней. Еще запряжные наладились сбывать.

Посмотреть на этих спекулянтках — тошно становится. Еще утро, она уж под по парами. Вся растрепана, рожа красна, рыхла. Тьфу! — И тетя Лиза брезгливо передергивает плечами. — Из-за них, вертихвосток, и на нас, на мастериц, которые выносят на базар свою работу, тень падает. Нет-нет да какая-нибудь рохля попрекнет базаром. Вон, в соседстве живет Машуха... Тоже ведь — шестьдесят лет, а все Машуха... Сама затеяла склоку из-за пустяка да сама же и кричит: милиции, мол, докажу — ты на базаре платками торгуешь. Ах ты мужичка, грязнуля. Доказывай, говорю! Мне бояться нечего. Я, мол, на него, на платок, труд кладу, сил не жалею. За труд и беру, что надо.

Мне за него люди еще спасибо говорят. Веди, говорю, милицию. А я скажу, как ты самогонку гонишь, пьянки устраиваешь да молодежь на разврат толкаешь. Так моя Машуха даже испугалась, дома двое суток не была, на двери замок висел.

Тетя Лиза в прежнем темпе гонит ряд за рядом. А девушки приустали, или им заметно надоело, и они выказывают нетерпение, особенно Света. Она все чаще находит какие-то посторонние дела, отвлекается и отвлекает Олю. Тетя Лиза моментально угадывает перемену в настроении девушек и обращается к Свете с легкой улыбкой:

— Ну-ка, покажи, что ты тут навязала, платошница.

Она наклоняется к Светиной работе, и тут происходит неожиданное событие, которое нарушает устойчивую тишину, приводит всех в переполох.

Серебристый клубок падает с колен тети Лизы. Чутко дремавший кот тут же вздрагивает, весь напружинивается. Один прыжок — и он у ног вязальщиц. И вот вместе с клубком катится под кровать. Тети-Лизино аханье сливается со вскриком девушек.

Оля низко наклоняется, лезет выручать клубок. Света, не удержавшись от соблазна, шлепает ее сзади. Та отбрыкивается ногой, выскакивает из-под кровати вместе с клубком и котом, который никак не хочет выпускать добычу. Девушки хохочут до изнеможения. Тетя Лиза все ахает, немножко переживая за порванную нить. Но потом и ей становится весело, глядя на них, она тихо смеется.

Наконец клубок отобран, нить строчена, кот водворяется снова на стул, к духовке, все успокаиваются и рассаживаются по своим местам. Тетя Лиза опять наклоняется к вязанию Светы, предусмотрительно придерживая свой клубок левой рукой. Она пристально приглядывается к Светиному паутинному сооружению, разгоняет петли по всей длине спиц, пересчитывает их и вдруг озадаченно восклицает:

— Э-э, да что же ты тут навязала, голубушка!

— А что? — испуганно вскидывается Света.

— Да вот посмотри тут и тут. Так ведь не годится. Ты здесь распусти до сих пор.

Света очень огорчается. Ей жаль разрушать результаты своего длительного кропотливого труда и всячески хочется оттянуть минуту этого разрушения. Она нетерпеливо ерзает,

находит какие-то дела на кухне, уходит туда, возвращается на место. Потом вдруг спрашивает:

— Тетя Лиза, а как у вас посиделки проходили?

Тетя Лиза на минуту задумывается, затем начинает говорить о посиделках, все больше снижая голос, будто погружаясь в толщу времени.

— Зимни-то вечера длинны. Соберемся, бывало, девчаты со всего конца поселка у тетеньки Вассы, каждая со своей работой. Любила тетенька Васса, покойница, молодежь. Ну, сидим, значит, вяжем. И она вяжет, за нами присматривает да поправляет. Вот почти что как сейчас. А надоест — лампу затушим, в прятки начнем играть. И она с нами. Потом — опять за вязание. Тут ребята придут, зачнут жениться. Песни заведем. Хорошие песни пели. Теперь таких уж не поют...

И она замолкает. На губах ее блуждает забытая светлая улыбка. Потом, вдруг спохватившись, она восклицает:

— Э-э, да что же ты сидишь-то, Света!

— А что? — Света делает вид, будто не догадывается, о чем речь.

— Как что? — удивляется тетя Лиза. — Ты распусти, как я тебе сказала. Потом провяжи ряд.

— Те-е-е-ть Лиз, не буду, — жалобно канючит Света.

— Да как же это — «не буду»? Куда же у тебя платок-то вылезет! — восклицает тетя Лиза и откладывает свою работу. — Ты тут распусти, потом провяжи. На другой день веселей к делу приступишь. А так ведь забудешь все.

— Те-е-ть Лиз, не бу-у-уду. Надоело, — Света притворно хнычет и смеется одновременно.

— Да как же так? — сокрушается тетя Лиза. — Дай-ка я сама.

И тут раздается стук в сенную дверь.

Тетя Лиза пугается, а девушки с ликованием бросают вязание на диван, выскакивают на кухню, открывают дверь, ведущую в сени, и кричат:

— Кто это? Вам кого?

— Вас, — отвечают с улицы.

Следует переключка через сени, уточнения, шутки, слышатся ломкие басовитые голоса, они перемежаются с завываниями бурана. Оказывается, пришли парни — Генка и Юрка, живущие неподалеку.

«Подождите!» — кричат им Оля и Света и хватаются за свои пальто.

— Вы куда? — слышится строгий оклик.

— В сенцах постоим.

— Вот так, в одних пальтишках? Да вы с ума сошли. Застудите там у себя все, потом всю жизнь не расхлебаете, — сердито выговаривает им тетя Лиза, шуруя в печи кочергой.

— Теть Лиз, мы ненадолго.

— Не пушу, — говорит она и, не оставляя кочерги, решительно встает у двери, как сторожевой стрелец с секирой. Затем слышится ее строгий вопрос:

— Вы хоть трусы-то надели?

Они хмыкают, смеются — дескать, ясно, что надели. Она требует:

— Покажите!

Они отнекиваются. Потом, не удержавшись, начинают хохотать. В конце концов показывают.

— Да какие это трусы? — возмущается тетя Лиза. — Это летни трусы. Ну-ка наденьте теплы.

Помявшись, они достают и надевают гамаши. А заодно и теплые кофты.

В течение последующего часа тетя Лиза орудует возле плиты, пробует варево, досаливает, кладет приправы, заваривает свежий чай. Из сеней слышится приглушенный говорок, смех, временами поднимается писк, затевается возня. Потом опять тихий разговор. С улицы доносится уже ровный гул всюю расходившейся метели, в окна густо лепит снег. В печи все прогорело. Там слоистый жар, синие огоньки, и тетя Лиза слегка пододвигает заслонку. Все дела у нее на сегодня сделаны, ей хочется спать. Но она не ложится из-за Оли и Светы. Несколько повременив, открывает дверь в сени и говорит:

— Ну-ка, ребята, по домам. Девчатам завтра вставать рано.

Повторяется это раза два или три. Потом Генку с Юркой выпроваживают, сенная и избяная двери запираются на все запоры и замки.

Тетя Лиза начинает укладываться. Но до этого совершается процедура переселения кота на кухонную половину. Вообще, когда растянут на пяльцах платок, взаимотно-

шения кота с тетей Лизой на ночное время сильно осложняются. Дело в том, что, надремавшись с вечера, кот просыпается очень рано — часа в четыре, и начинает искать развлечений. Платок, естественно, привлекает его внимание, раздражает любопытство, и он на нем пробует когти. И бывали случаи, когда учинял непоправимый разор. Вот почему, перед тем как лечь спать, тетя Лиза выпроваживает кота на кухню и всякие его попытки проникнуть в переднюю пресекаются самыми решительными мерами, вплоть до шлепков.

Тетя Лиза плотно прикрывает дверь, теперь уже накрепко отгородившись от кота. А также от кухни, в которой Света и Оля разложили книжки и шепотом делятся какими-то своими секретами. Тетя Лиза гасит свет, долго, основательно укладывается. Вскоре в ее половине воцаряется сон — один из самых покойных и праведных снов на земле.

А у изголовья тети Лизы парит в полутьме, вспыхивает, искрится при отблесках качающегося на улице фонаря и плещет легонько пробегающими тенями паутиной невесомости ажурный платок.

БОЛЬШОЙ ОРЕНБУРГСКИЙ БАЗАР

Предутренняя мгла еще не рассеялась, и курится в воздухе морозная хмарь — от ночи. Вся окраина спит по случаю выходного, а тетя Лиза уже на ногах. Еще до свету она определила, что это воскресенье для намеченного ею дела выдалось по всем признакам подходящим: не очень ветрено, мороз обещан прогнозом на дневное время не больше пятнадцати и небо без облаков.

Тетя Лиза проворно делает первоочередные кухонные дела, наскоро пьет чай. Потом достает из одежного шкафа заранее приготовленный сверток, обтянутый чистой марлей, заворачивает его еще в газету и кладет в хозяйственную сумку. Она основательно одевается, обувает валенки и через некоторое время резво семенит по улице к троллейбусной остановке. И попутно взглядывает на окна соседних домов, мысленно одобряя или порицая их хозяек: вот эта, дескать, — молодец, в ее доме горит свет, она уж что-то делает, а вон у той тишь да темнота, потому что любит вылеживаться.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕЛО В РУКАХ, или ОРЕНБУРГСКИЙ ПУХОВЫЙ ПЛАТОК (Сцены из жизни оренбургской пуховязальной окраины)

✓ Дело в руках надежней богатства.....	7
Большой Оренбургский базар	22
Гости пришли	37
Кум приехал.....	44
Долгие проводы — новые песни.....	53

РАЗДОР

(Трагедия Оренбургского казачества).

Голоса очевидцев. Голоса документов

Из давнего времени.....	59
Междоусобный раздор в ковыльном крае.....	68
Последний бой белоказаков.....	115
Последний скорбный путь Табынской иконы Божией Матери	119

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66